

Ethnic, social and other groups: Social Psychology Социальная психология

DOI [10.31162/2618-9569-2019-12-2-585-598](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-2-585-598)
УДК 159.9.072, 159.922.4

Original Paper
Оригинальная статья

Религиозная идентичность мусульманских подростков и молодежи: социально-психологический анализ

В. А. Шорохова^{1, а}

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет,
г. Москва, Российская Федерация

^а ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5424-2350>, e-mail: shorokhovava@gmail.com

Резюме: в статье представлен социально-психологический анализ структуры религиозной идентичности мусульманской молодежи. Исследование проводилось на двух группах респондентов: учащихся 9–10-х классов средних школ и студентах 1–2-го курсов вузов г. Грозный, Чеченская Республика. В качестве методического инструментария была использована авторская методика «Компоненты религиозной идентичности» (автор изначальной версии опросника – Д. Ван Камп; адаптация и апробация на российской выборке была проведена В. А. Шороховой, дальнейшая адаптация на мусульманской выборке – О. С. Павловой). По результатам работы было выявлено, что религиозная идентичность обеих возрастных групп может быть отражена через четырехфакторную модель, при этом количество факторов аналогично вне зависимости от возраста. Содержание и смысловая наполненность параметров имеют как общие (как для школьников, так и для студентов) черты, так и специфические, характерные только для определенного этапа возрастного развития.

Ключевые слова: идентичность; мусульмане; религиозность; религия; социальная идентичность; структура религиозной идентичности; студенты; чеченцы; школьники

Для цитирования: Шорохова В. А. Религиозная идентичность мусульманских подростков и молодежи: социально-психологический анализ. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(2):585–598. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-585-598.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The religious identity of Muslim youth. A socio-psychological approach

V. A. Shorokhova^{1, a}

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

^a ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5424-2350>, e-mail: shorokhovava@gmail.com

Abstract: the article offers a socio-psychological analysis of religious identity structure of Muslim youths who live in the Russian Federation. The research was conducted in the Chechen Republic (city of Grozny). The two groups of respondents were selected, the high school pupils (9–10th grades) and students (1–2 year). In order to study their religious identity was applied a “Religious identity components” questionnaire. The original version of this tool was developed by D. Van Camp, it was adapted to the Russian circumstances by V. A. Shorokhova and subsequently developed by O. S. Pavlova. The results of the study prove that religious identity of the two age groups in both cases remains the same, i.e. the four-factor model, regardless the respondents’ age. However, there are still some specific features as applied to each group.

Keywords: Chechen; identity; Muslim; religion; religiosity; religious identity; religious identity structure; schoolchildren; social identity; students

For citation: Shorokhova V. A. The religious identity of Muslim youth. A socio-psychological approach. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(2):585–598. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-585-598.

Введение

В современном многокультурном мире религия может выступать в качестве одной из значимых детерминант развития и социализации человека. Являясь, с одной стороны, важным фактором социального взаимодействия, религия и религиозная принадлежность также находят отражение и во внутриличностных процессах человека, затрагивая различные сферы его психической жизни. В. Сараглоу определяет религию как многомерный конструкт, в основе которого лежит представление о трансцендентном и духовном, вера в высшее существо, творца, выходящая за пределы эго человека и оказывающая влияние на его когнитивные, аффективные и поведенческие особенности [1; 2].

С позиции социальной психологии религия может являться мощной базой для формирования ин- и аутгрупповой идентичности, что, в свою очередь, выражается в социальном взаимодействии через установки и поведение человека [3; 4].

Таким образом, дихотомия индивидуального – социального представляется достаточно важным аспектом религиозной идентичности. Второе измерение это – дихотомия внешнего (инструментального) и внутреннего (личностно-ценностного) параметров религиозности, изложенная в исследованиях Г. Олпорта [5]. Данная концепция получила развитие в работах

М. М. Мchedловой, которая соотносит внешнюю религиозность с выполнением религиозных практик, а внутреннюю – с верой [6].

В рамках мусульманской религиозной группы религиозная идентичность представляет собой крайне значимую социальную категорию. Она является своеобразным маркером, подчас вытесняющим расовую, этническую и национальную идентичности, как это происходит у британцев, исповедующих ислам [7]. Или находится в тесной взаимосвязи с этнической и гражданской, формируя этноконфессиональную идентичность, – у чеченских мусульман [8]. Кроме того, следует отметить, что религиозная идентичность – не статичное образование, она активно развивается и меняется с возрастом [9].

По словам С. А. Ляушевой и З. А. Жаде, «мусульманская идентичность разнообразна и динамична; ее следует рассматривать и как состояние, и как процесс... она подвержена изменениям, поскольку именно в сфере межконфессиональных отношений модифицируются религиозные нормы и поведенческие модели», которые, в свою очередь, могут быть по-разному интерпретированы в процессе психологического развития человека [10, с. 148].

Таким образом, мы подходим к рассмотрению мусульманской религиозной идентичности как к комплексному динамичному понятию, лежащему на пересечении двух шкал: индивидуальной-социальной и внутренней-внешней. Понимая ее с точки зрения этик- и эмик-подхода, преломляемого по отношению к возрастному развитию человека, мы предполагаем, что структура религиозной идентичности может изменяться с возрастом и иметь как общие (вне зависимости от возраста), так и специфические (для конкретного возвратного этапа) компоненты [11].

Программа эмпирического исследования

Наше исследование проводилось на двух выборках: были опрошены учащиеся средних школ и студенты 1–2-го курсов Чеченского государственного университета (ЧГУ) и Чеченского государственного педагогического университета (ЧГПУ). Оба исследования проводились в 2015 г. в г. Грозном в рамках работы над грантом РГНФ № 15-06-10843 «Риски и ресурсы религиозной идентичности в современной России: кросс-культурный анализ». Среди участников грантового коллектива отметим О. С. Павлову, О. Е. Хухлаева и В. А. Шорохову; результаты исследовательской работы на студенческой выборке частично опубликованы в коллективной работе О. С. Павловой, В. М. Миназовой, О. Е. Хухлаева «Религиозная идентичность студентов-мусульман (на материале изучения молодежи, проживающей в Чеченской Республике)» [12].

Представляется интересным сравнить результаты, полученные на студенческой выборке, с результатами, полученными на выборке учащихся средних школ. Таким образом, общий объем выборки составил 627 человек, из которых 417 являются студентами 1-го и 2-го курсов, 210 – учащиеся 9–10-х классов средних школ г. Грозного. Подробная характеристика выборки представлена в табл. 1.

Таблица 1. Общая характеристика выборки исследования

	В целом	Средний возраст	Пол – м/ж (человек)
Общее количество (человек)	627	17,6 лет	262/365
Школьники	210	16,2 года	98/112
Студенты	417	19,0 года	164/253

В процессе исследования не было обнаружено практически никаких значимых различий внутри каждой из выборок в зависимости от пола и возраста, за исключением фактора «Социальная духовная идентичность», который был более выражен у студентов мужского пола ($p \leq 0.001$).

Для измерения структуры религиозной идентичности респондентов была использована авторская методика «Компоненты религиозной идентичности» (автор изначальной версии опросника – Д. Ван Камп; адаптация и апробация на российской выборке была проведена В. А. Шороховой, дальнейшая адаптация на мусульманской выборке – О. С. Павловой) [12; 13]. Таким образом, названия факторов и утверждений аналогичны тем, которые используются исследователями В. А. Шороховой, О. С. Павловой, О. Е. Хухлаевым, В. М. Миназовой [12–14]. Респонденты заполняли опросник «Компоненты религиозной идентичности», соотнося (по 5-балльной шкале), насколько они согласны с каждым из 32 утверждений. Кроме того, в исследовании использовались социально-демографические данные, позволяющие оценить уровень религиозности респондентов. В финальную выборку, представленную в работе, вошли данные респондентов с уровнем религиозности не ниже «верующий, но не соблюдаю обычаев и обрядов». Уровень религиозности респондентов из числа учащихся средних школ составил 1,28 (ст. откл. – 0,56); студентов – 1,10 (ст. откл. – 0,45). Подсчеты данных проводились в программе IBM SPSS Statistics.

Результаты эмпирического исследования

Наша работа началась с проведения исследовательского факторного анализа, в результате которого были получены две модели, отражающие структуру религиозной идентичности школьников и студентов. Как и в изначальных работах Д. Ван Камп, а затем и в исследовании, проведенном на российской выборке православных респондентов-учащихся средних школ, количество факторов составило четыре для каждой из моделей [14]. Данный вывод был сделан на основе анализа графика «каменистой осыпи», демонстрирующего, что оптимальное количество факторов для исследовательской модели равно четырем. Затем для подтверждения соответствия моделей исходным данным был проведен конфирматорный факторный анализ. Его критерии для школьной выборки составили: RMSEA = 0.03/0.04 (HI90 = 0.06/0.06), CFI = 0.98/0.99, GFI = 0.95/0.94, AGFI = 0.93/0.90. Для студенческой: RMSEA = 0.06 (HI90 = 0.08), CFI = 0.93, GFI = 0.94, AGFI = 0.91. Подобные результаты позволяют говорить,

что обе исследовательские модели адекватно соответствуют эмпирическим данным, так как критериями высокого соответствия являются значения $CFI > 0,95$ и $RMSEA < 0,05$ [15].

Далее рассмотрим более подробно структуру религиозной идентичности учащихся средних школ и вузов.

У респондентов школьного возраста религиозная идентичность состоит из четырех компонентов: «Религия как способ индивидуальных позитивных изменений»; «Духовная идентичность»; «Идентичность по вероисповеданию»; «Религия как способ социального взаимодействия» [14]. Средние значения шкал представлены ниже (см. табл. 2).

Таблица 2. Средние значения компонентов религиозной идентичности школьников

Шкала	Религия как способ индивидуальных позитивных изменений	Духовная идентичность	Идентичность по вероисповеданию	Религия как способ социального взаимодействия
Среднее	3,93	3,91	3,34	1,94
Ст. отклонение	0,21	0,25	0,68	0,10

Кроме того, согласно критерию знаковых рангов Уилкоксона, различия между средними значениями параметров (кроме различий между параметрами «Духовная идентичность» и «Религия как способ индивидуальных позитивных изменений») являются статистически значимыми ($p \leq 0.001$).

Что же касается чеченских студентов, то по итогам исследования было выявлено: структура их религиозной идентичности также содержит четыре компонента, однако в связи с тем, что факторная наполненность некоторых из них достаточно сильно отлична от данных, полученных на выборке респондентов школьного возраста, то они получили названия: «Индивидуальная духовная идентичность»; «Идентичность по вероисповеданию»; «Социальная духовная идентичность»; «Религия как способ социального взаимодействия» [12].

Средние значения шкал представлены ниже (табл. 3).

Таблица 3. Средние значения компонентов религиозной идентичности студентов

Шкала	Индивидуальная духовная идентичность	Идентичность по вероисповеданию	Социальная духовная идентичность	Религия как способ социального взаимодействия
Среднее	4,86	4,09	3,62	3,12
Ст. отклонение	0,43	0,75	0,96	1,11

Согласно критерию знаковых рангов Уилкоксона, различия между средними значениями всех параметров являются статистически значимыми ($p \leq 0.001$).

Далее рассмотрим более подробно полученное в результате нашей работы факторное наполнение компонентов религиозной идентичности школьников и студентов.

Результаты эмпирического исследования

Исходя из результатов исследования, можно констатировать, что религиозная идентичность чеченских подростков и студентов имеет как общие черты, так и специфические по возрасту. У респондентов как школьного, так и студенческого возраста присутствуют четыре компонента религиозной идентичности. Из них три компонента: «Духовная идентичность (или индивидуальная духовная идентичность)», «Идентичность по вероисповеданию» и «Религия как способ социального взаимодействия» [12; 14] универсальны вне зависимости от возраста (школьного или студенческого). Компоненты «Религия как способ индивидуальных позитивных изменений» (у школьников) и «Социальная духовная идентичность» (у студентов) являются специфическими для конкретного возраста. Итак, если рассматривать религиозную идентичность в целом, то можно заметить общий более высокий уровень средних показателей компонентов у респондентов студенческого возраста, свидетельствующий о том, что значимость религии для чеченской молодежи с возрастом, скорее, повышается. Подобный результат может быть связан с общим развитием личности, с одной стороны, становлением идентичности, расширением кругозора и получением нового опыта и знаний, в том числе в области религии и религиозного образования. Кроме того, согласно исследованию Н. В. Усовой и А. Ф. Кашаповой, выраженность религиозного самосознания с возрастом повышается [9]. С другой стороны, необходимо принять во внимание высокую значимость ислама как религии для чеченского общества в целом. Это может способствовать тому, что для подростка в процессе взросления и социализации возрастает и интегрированность в мусульманское сообщество, повышая таким образом общий уровень значимости религиозной идентичности.

Далее рассмотрим более подробно компоненты религиозной идентичности мусульманских школьников и студентов. Среди наиболее значимых параметров религиозной идентичности учащихся средних школ и обучающихся в вузах респондентов отметим компонент «Духовная идентичность (или индивидуальная духовная идентичность)» [12; 14] ($M = 3.91$ – школьники; 4.96 – студенты). В изначальном варианте Д. Ван Камп данный фактор представляется как наиболее глубокий, личностный параметр, говорящий о религии как о внеинституциональной внутренней ценностной системе, которой люди стремятся руководствоваться в своей жизни. Однако в нашем исследовании этот компонент оказался «институциональным», т.е. отражающим личную значимость не просто религии как «внутренней мотивации», а конкретной религии – ислама. Это подтверждают утверждения, обладающие наибольшей факторной нагрузкой: «Мне важно заслужить довольство Аллаха; для меня важна принадлежность к Исламу; для меня важно знать, что я мусульманин» [12; 14]. Кроме того, в случае студентов данный компонент носит название «Индивидуальная духовная идентичность» (чтобы показать его отличия от компоненты «Социальная духовная идентичность») и приобретает еще более выраженный

ценностный оттенок, демонстрирующий глубокую значимость для респондентов личных взаимоотношений с Аллахом: *«У меня есть важные обязательства перед Аллахом; моя религия не зависит от влияния моего окружения, будь я на необитаемом острове – мои взаимоотношения с Аллахом остались бы прежним»* [12; 14]. Таким образом, мы можем говорить о том, что принадлежность к исламу экзистенциально значима для чеченской молодежи. При этом с возрастом подобная значимость увеличивается, приобретая способность более глубокого внутреннего рефлексивного понимания и в то же время конкретизации и расширения данной стороны религиозной идентичности. Подобный результат также соотносится с исследованиями Д. М. Чумаковой и Л. В. Густовой, отмечавших тенденцию к наличию положительной взаимосвязи между уровнем религиозности и степенью рефлексивности респондентов, при этом с возрастом уровень личностной интеграции в религию и религиозное взаимодействие могут возрастать [9; 16–18].

Следующим, общим для обеих групп респондентов, параметром религиозной идентичности является «Идентичность по вероисповеданию». Это второй по значимости компонент у студентов ($M = 4,09$) и третий – у школьников ($M = 3,34$). Данный фактор практически полностью соответствует изначальной шкале «Идентичность по вероисповеданию» Д. Ван Камп, а также данным, полученным в исследованиях, проводившихся на российской выборке (ингушских студентов и бурятских подростков) [19; 20]. Параметр «Идентичность по вероисповеданию» говорит о важности для респондента ощущения включенности в религиозную группу и связи с людьми, принадлежащими к мусульманской конфессии. Наиболее значимыми в рамках данного фактора являются утверждения: *«Я ощущаю сильную связь с людьми одной веры со мной; мне нравится проводить время с людьми одной со мной веры; моя религия помогает мне ощутить связь с другими людьми в обществе»* [12; 14]. Кроме того, если у школьников данный параметр имеет некоторый коммуникативный оттенок, касающийся значимости для подростка ощущения себя членом мусульманской религиозной группы за счет взаимодействия с ее членами (утверждения *«Мне нравится проводить время с людьми одной со мной веры; я посетил (а) бы мечеть, даже будучи в другом городе, в поездке»* [12; 14]), то у студентов речь идет, скорее, о «идентичностной» составляющей, касающейся значимости осознания своей принадлежности к религиозной группе и своей взаимосвязи с другими ее представителями (утверждения *«Моя религия помогает мне ощутить связь с другими людьми в обществе; в своей религиозной практике я ориентируюсь на других известных мне людей, исповедующих мою религию»* [12; 14]).

Параметр «Религия как способ социального взаимодействия» также является общим и для школьников, и для студентов, хотя и наименее значим ($M = 1,94$ (школьники); $M = 3,12$ (студенты)). Это внешний и социальный компонент, отражающий восприятие (часто неосознанное) религии как способа достижения своих социальных целей, «как источника... общения и развлечения,

статуса и самооправдания» [21, с. 3]. Наибольшей является факторная нагрузка следующих утверждений: «Я посещаю мечеть, потому что это расширяет мой круг общения; я посещаю мечеть, потому что мне нравятся люди, которых я там встречаю; для меня самое важное – ходить в конкретную мечеть, к определенному мулле и/или быть членом конкретного общества» [12; 14]. Кроме того, у студенческой молодежи данный параметр оказывается напрямую связанным с одобрением и принятием респондента представителями его религиозной группы («Для меня важно то, что другие воспринимают меня как религиозного человека»). Согласно О. С. Павловой, такое факторное наполнение данного компонента может быть обусловлено тем, что «в коллективистической культуре чеченцев модели поведения заданы обществом и имеют императивный характер, а общественное мнение играет функцию поддержки или осуждения поступков и поведения человека» [12, с. 95].

Далее рассмотрим специфические по возрасту параметры религиозной идентичности чеченской молодежи. Это компонент «Религия как способ индивидуальных позитивных изменений» ($M = 3,93$) у школьников и компонент «Социальная духовная идентичность» у студентов ($M = 3,62$). Отметим, что «Религия как способ индивидуальных позитивных изменений» является наиболее значимым компонентом религиозной идентичности учащихся старших классов, в то время как «Социальная духовная идентичность» занимает третье по значимости место в структуре религиозной идентичности студентов. Параметр «Религия как способ индивидуальных позитивных изменений» у школьников отражает важность религии как средства внутренней опоры, структурирования жизни, способа внутренней саморегуляции, что служит своеобразной защитой и поддержкой в ситуациях, связанных с неустойчивостью, неопределенностью и тревогой. Наиболее значимыми с точки зрения факторного анализа данного компонента являются утверждения: «Моя религия – это мое духовное утешение; моя религия делает мою жизнь лучше; моя религия придает мне уверенности в себе; моя религия делает мою жизнь упорядоченной» [12; 14]. Данный параметр имеет выраженную личностную направленность, он также присутствует в структуре религиозной идентичности школьников и может говорить о том, что чеченские подростки склонны искать в религии средство для преодоления сложностей и тревожности, связанных с кризисом идентичности, относящимся к данному возрасту (т.е. 16 лет). Высокая значимость одобрения окружающих, характеризующая данный этап личностного развития и подкрепленная общей коллективистической направленностью чеченского общества, усиливает для подростка важность религии как способа снижения ощущения внутренней неопределенности [8; 22; 23]. Кроме того, учитывая значительный вклад, который ислам привносит в структуру жизнедеятельности чеченского общества в целом, религия может выступать в роли социально одобряемого и ценного механизма регуляции жизни, способствующего формированию ощущения уверенности и социальной поддержки [24–27].

Компонент «Социальная духовная идентичность», выявленный в структуре религиозной идентичности студенческой молодежи Чеченской Республики, не присутствовал изначально в модели Д. Ван Камп и является специфичным для данной возрастной группы мусульманского вероисповедания (что также подтверждено в исследовании Т. С. Чабиевой и Т. В. Царевой) [19]. Факторный анализ выявил следующую структуру данного параметра: «Намаз в мечети для меня более значим, чем индивидуальный намаз (дома и т.д.); посещение мечети для меня – важная часть повседневной жизни; я принимаю активное участие в общественной жизни, связанной с исламом; намаз в мечети, в обществе других людей для меня – одна из наиболее важных составляющих моей религиозной жизни» [12; 14]. Таким образом, компонент «Социальная духовная идентичность» характеризует особенности религиозной практики ислама, связанные с посещением мечети и выполнением намаза. Учитывая более высокую значимость в исламе коллективного намаза, т.е. «большую духовную ценность» выполнения «социального действия», параметр получил название «Социальная духовная идентичность» [12, с. 95].

В целом результаты нашего исследования могут быть более наглядно отображены в рисунке.

Рис. Сравнительные значения компонентов религиозной идентичности школьников и студентов

Заключение

Рассмотрев в целом религиозную идентичность мусульманских школьников и студентов, отметим, что сама по себе четырехфакторная структура религиозной идентичности представляется репрезентативной, вне зависимости от возраста (старшего школьного или студенческого) респондентов. При этом содержание и смысловая наполненность параметров имеют как общие для обеих возрастных групп черты, так и специфические, характерные только для определенного этапа возрастного развития. Анализ специфических для конкретного возраста параметров дает основание говорить о том, что фокус внима-

ния религиозной идентичности сменяется на практически противоположный (от внешнего индивидуального на внутренний социальный). Подобная дихотомия может быть обусловлена успешной интеграцией молодежи в религиозное сообщество, расширением и «углублением» ее понимания религии. Кроме того, обратим внимание на достаточно интересную тенденцию, выявленную у респондентов студенческого возраста, при которой значимость принадлежности к исламу (идентичностная составляющая) оказывается отделенной от выполнения духовных практик. Схожие результаты были получены Р. Билали и другими исследователями на выборке турецких мусульман-суннитов [28]. О необходимости соотношения религиозной идентичности (как принадлежности к религиозной группе) и религиозной практики говорит и К. Хаккет [29]. При этом оба параметра возможно соотнести с различными внутри- и межгрупповыми процессами: значимость принадлежности к религиозной группе – с ингрупповой идентификацией и отношением к ингруппе, а выполнение религиозных практик – со степенью важности и приверженности членов группы религиозным нормам и требованиям. У мусульманских респондентов данные компоненты могут быть как тесно взаимосвязаны между собой (П. Хиндрикс, М. Веркуйтен, М. Коендерс), так и иметь крайне слабые корреляционные взаимосвязи (Р. Билали, Ю. Икбал, А. Б. Челик) [28; 30].

Таким образом, в дальнейшем нам представляется важным проанализировать внутреннее соотношение параметров религиозной идентичности российских мусульман, а также рассмотреть подобные взаимосвязи через призму возрастных особенностей развития личности.

Литература

1. Saroglou V. Believing, bonding, behaving, and belonging: The Big Four religious dimensions and cultural variation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2011;(42):1320–1340. DOI: [10.1177/0022022111412267](https://doi.org/10.1177/0022022111412267).
2. Hill P. C., Pargament K. I., Hood R. W., McCullough M. E., Swyers J. P., Larson D. B., Zinbaur B. J. Conceptualizing religion and spirituality: Points of commonality, points of departure. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2000;(30):51–57.
3. Cohen A. B. Many form of culture. *American Psychologist*. 2009;64(3):194–204. DOI: [10.1037/a0015308](https://doi.org/10.1037/a0015308).
4. Różycka-Tran J. Love thy neighbor? The effects of religious in/out-group identity on social behavior. *Personality and Individual Differences*. 2017;(115):7–12. DOI: [10.1016/j.paid.2016.11.009](https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.11.009).
5. Олпорт Г. В. *Личность в психологии*. М.: Ювента; 1998.
6. Мчедлова М. М. Религиозная идентичность. В: Семенов И. С. (ред.) *Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий*. М.: Российская политическая энциклопедия; 2011. С. 123–126.
7. Panjwani F., Moulin-Stožek D. Muslims, schooling and the limits of religious identity. *Oxford Review of Education*. 2017;43(5):519–523. DOI: [10.1080/03054985.2017.1354585](https://doi.org/10.1080/03054985.2017.1354585).

8. Павлова О. С. *Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета*. М.: ООО «Сам полиграфист»; 2013.
9. Усова Н. В., Кашапова А. Ф. Возрастные особенности персональной религиозности и усвоение норм религии в процессе социализации. *Психология, социология и педагогика*. 2013;(8). Режим доступа: <http://psychology.snauka.ru/2013/08/2376> [Дата обращения: 08.01.2019].
10. Ляушева С. А., Жаде З. А. Религиозная идентичность: некоторые подходы к осмыслению феномена. *Научные труды КубГТУ*. 2018;(10):146–154. Режим доступа: <http://ntk.kubstu.ru/file/2362> [Дата обращения: 11.01.2019].
11. Хухлаев О. Е., Кузнецов И. М., Ткаченко Н. В. Разработка и адаптация методики «Шкала этнонациональных установок». *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2018;15(3):527–541. DOI: [10.17323/1813-8918-2018-3-527-541](https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-3-527-541).
12. Павлова О. С., Миназова В. М., Хухлаев О. Е. Религиозная идентичность студентов-мусульман (на материале изучения молодежи, проживающей в Чеченской Республике). *Культурно-историческая психология*. 2016;12(4):90–99. DOI: [10.17759/chp.2016120409](https://doi.org/10.17759/chp.2016120409).
13. Шорохова В. А. Религиозная идентичность в зарубежных психологических исследованиях: теоретические модели и способы изучения. *Социальная психология и общество*. 2014;5(4):44–62. Режим доступа: http://psyjournals.ru/files/72839/spio_4_2014_shorohova.pdf [Дата обращения: 11.01.2019].
14. Хухлаев Е. О., Шорохова В. А. Социально-психологическое исследование религиозной идентичности у православной молодежи. *Социальная психология и общество*. 2016;7(2):35–50. DOI: [10.17759/sps.2016070203](https://doi.org/10.17759/sps.2016070203).
15. Kenny D. A., McCoach D. B. Effect of the number of variables on measures of fit in structural equation modeling. *Structural Equation Modeling*. 2003;10(3):333–351.
16. Чумакова Д. М. Структурный анализ религиозности личности. *Вестник Курганского государственного университета. Серия: Физиология, психофизиология, психология и медицина*. 2016;2(41):88–91.
17. Густова Л. В. Исследование взаимосвязи индивидуального уровня религиозности и личностных качеств. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2012;(3):62–67.
18. Яворский Р. Личностная и безличная религиозность: психологическая модель и ее эмпирическая верификация. *Журнал ЕМСАРР*. 2012;(1). Режим доступа: https://www.fapsyrou.ru/world_projects/stati_world_conference/lichnostnaya_i_bezlichnaya_1133 [Дата обращения: 10.01.2019].
19. Чабиева Т. С., Царёва Т. В. Социально-психологический анализ религиозной идентичности ингушских студентов. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(4):835–849. DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-3-835-849](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-3-835-849).
20. Шорохова В. А., Хухлаев О. Е., Дагбаева С. Б. Взаимосвязь ценностей и религиозной идентичности у школьников буддистского вероисповедания. *Культурно-историческая психология*. 2016;12(1):66–75. DOI: [10.17759/chp.2016120107](https://doi.org/10.17759/chp.2016120107).
21. Титов Р. С. Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта: понятие религиозных ориентаций. *Культурно-историческая психология*. 2013;(1):2–9.
22. Эриксон Э. Г. *Детство и общество*. СПб.: Ленато; 1996.
23. Вачков И. В. Тревожность, тревога, страх: различение понятий. *Школьный психолог*. 2004;(8):20–24.

24. Албакова Ф. Ю. Каноны социально-экономической деятельности в исламе. В: Пирогов С. В. (ред.) *Ценностные ориентиры в экономической среде исламского мира*. М.: МИРБИС; 2009. С. 35–56.
25. Павлова О. С. Религиозная и этническая идентичность мусульман Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа: содержание и особенности соотношения. *Ислам в современном мире*. 2015;11(2):75–86. DOI: [10.20536/2074-1529-2015-11-2-75-86](https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-2-75-86).
26. Хухлаев О. Е., Миназова В. М., Павлова О. С., Зыков Е. В. Социальная идентичность и этнонациональные установки студенческой молодежи Чечни. *Социальная психология и общество*. 2015;6(4):23–40. DOI: [10.17759/sps.2015060403](https://doi.org/10.17759/sps.2015060403).
27. Павлова О. С. Религиозная идентичность и этнонациональные установки мусульманской молодежи Северного Кавказа. В: Филиппова Е. И. (ред.) *Религии и радикализм в постсекулярном мире*. М.: Горячая линия-Телеком; 2017. С. 153–171.
28. Bilali R., Iqbal Y., Çelik A. B. The role of national identity, religious identity, and intergroup contact on social distance across multiple social divides in Turkey. *International Journal of Intercultural Relations*. 2018;65:73–85. DOI: [10.1016/j.ijintrel.2018.04.007](https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2018.04.007).
29. Hackett C. Seven things to consider when measuring religious identity. *Religion*. 2014;44(3):396–413. DOI: [10.1080/0048721X.2014.903647](https://doi.org/10.1080/0048721X.2014.903647).
30. Hindriks P., Verkuyten M., Coenders M. Interminority attitudes: The roles of ethnic and national identification, contact, and multiculturalism. *Social Psychology Quarterly*. 2014;77(1):54–74. DOI: [10.1177/0190272513511469](https://doi.org/10.1177/0190272513511469).

References

1. Saroglou V. Believing, bonding, behaving, and belonging: The Big Four religious dimensions and cultural variation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2011;(42):1320–1340. DOI: [10.1177/0022022111412267](https://doi.org/10.1177/0022022111412267).
2. Hill P. C., Pargament K. I., Hood R. W., McCullough M. E., Swyers J. P., Larson D. B., Zinbaur B. J. Conceptualizing religion and spirituality: Points of commonality, points of departure. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2000;(30):51–57.
3. Cohen A. B. Many form of culture. *American Psychologist*. 2009;64(3):194–204. DOI: [10.1037/a0015308](https://doi.org/10.1037/a0015308).
4. Różycka-Tran J. Love thy neighbor? The effects of religious in/out-group identity on social behavior. *Personality and Individual Differences*. 2017;(115):7–12. DOI: [10.1016/j.paid.2016.11.009](https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.11.009).
5. Allport G. W. *Psychological studies on personality*. Moscow: Yuventa; 1998. (In Russ.)
6. Mchedlova M. M. Religious identity. In: Semenenko I. S. (ed.) *Political identity and identity policy. Vol. 1 Identity as a category of political science: a terminological dictionary*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2011. Pp. 123–126. (In Russ.)
7. Panjwani F., Moulin-Stožek D. Muslims, schooling and the limits of religious identity. *Oxford Review of Education*. 2017;43(5):519–523. DOI: [10.1080/03054985.2017.1354585](https://doi.org/10.1080/03054985.2017.1354585).
8. Pavlova O. S. *Chechen ethnic group today: traits of socio-psychological portrait*. Moscow: Sam poligrafist; 2013. (In Russ.)
9. Usova N. V., Kashapova A. F. Age features of personal religiosity and assimilation of religious norms in the socialization process. *Psychology, sociology and pedagogy*. 2013;(8). Available at: <http://psychology.snauka.ru/2013/08/2376> [Accessed: 08.01.2019]. (In Russ.)

10. Lyausheva S. A., Zhade Z. A. Religious identity: some approaches to understanding the phenomenon. *Scientific works of KubSTU*. 2018;(10):146–154. Available at: <http://ntk.kubstu.ru/file/2362> [Accessed: 11.01.2019]. (In Russ.)
11. Khukhlaev O. E., Kuznetsov I. M., Tkachenko N. V. Development and Adaptation of the Ethno-National Attitudes Scale. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2018;15(3):527–541. (In Russ.) DOI: [10.17323/1813-8918-2018-3-527-541](https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-3-527-541).
12. Pavlova O. S., Minazova V. M., Khukhlaev O. E. Religious Identity in Muslim Students (A Study of Young People Living in the Chechen Republic). *Cultural-Historical Psychology*. 2016;12(4):90–99. (In Russ.) DOI: [10.17759/chp.2016120409](https://doi.org/10.17759/chp.2016120409).
13. Shorokhova V. A. Religious identity in foreign psychological studies: theoretical models and research methods. *Social Psychology and Society*. 2014;5(4):44–62. Available at: http://psyjournals.ru/files/72839/spio_4_2014_shorohova.pdf [Accessed: 11.01.2019]. (In Russ.)
14. Khukhlaev O. E., Shorokhova V. A. Research on religious identity of orthodox youth. *Social Psychology and Society*. 2016;7(2):35–50. (In Russ.) DOI: [10.17759/sps.2016070203](https://doi.org/10.17759/sps.2016070203).
15. Kenny D. A., McCoach D. B. Effect of the number of variables on measures of fit in structural equation modeling. *Structural Equation Modeling*. 2003;10(3):333–351.
16. Chumakov D. M. Structural analysis of person's religiosity. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Fiziologiya, psikhofiziologiya, psikhologiya i meditsina*. 2016;2(41):88–91. (In Russ.)
17. Gustova L. V. Study of the relationship between individual-level religiosity and personal qualities. *Vestnik of Kostroma State University Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2012;(3):62–67. (In Russ.)
18. Yavorskii R. Personal and impersonal religiosity: a psychological model and its empirical verification. *EMCAPP Journal*. 2012;(1). Available at: https://www.fapsyrou.ru/world_projects/stati_world_conference/lichnostnaya_i_bezlichnaya_1133 [Accessed: 10.01.2019]. (In Russ.)
19. Chabieva T. S., Tsareva T. V. Social and psychological analysis of the religious identity of Ingush students. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(4):835–849. (In Russ.) DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-3-835-849](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-3-835-849).
20. Shorokhova V. A., Khukhlaev O. E., Dagbayeva S. B. Relationship between values and religious identity in Buddhist adolescents. *Cultural-Historical Psychology*. 2016;12(1):66–75. (In Russ.) DOI: [10.17759/chp.2016120107](https://doi.org/10.17759/chp.2016120107).
21. Titov R. S. Gordon Allport: the concept of personal religious orientations. *Cultural-Historical Psychology*. 2013;(1):2–9. (In Russ.)
22. Erikson E. H. *Childhood and Society*. St Petersburg: Lenato; 1996. (In Russ.)
23. Vachkov I. V. Anxiety, worry, fear: the distinction between the concepts. *Shkolnyi psikholog*. 2004;(8):20–24. (In Russ.)
24. Albakova F. Yu. The canons of socio-economic activity in Islam. In: Pirogov S. V. (ed.) *Values in the economic environment of the Islamic world*. Moscow: MIRBIS; 2009. Pp. 35–56. (In Russ.)
25. Pavlova O. S. Religious and ethnic identity of the south-west and south-east Caucasus' Muslims: the substance and ratio specifics. *Islam in the modern world*. 2015;11(2):75–86. (In Russ.) DOI: [10.20536/2074-1529-2015-11-2-75-86](https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-2-75-86).
26. Khukhlaev O. E., Minazova V. M., Pavlova O. S., Zykov E. V. Social identity and ethnic attitudes in students from Chechnya. *Social Psychology and Society*. 2015;6(4):23–40. (In Russ.) DOI: [10.17759/sps.2015060403](https://doi.org/10.17759/sps.2015060403).

27. Pavlova O. S. Social identity and ethnic attitudes social identity and ethnic attitudes of and north Caucasus' Muslim youths. In: Filippova E. I. (ed.) *Religions and radicalism in the postsecular world*. Moscow: Goryachaya liniya-Telekom; 2017. Pp. 153–171. (In Russ.)

28. Bilali R., Iqbal Y., Çelik A. B. The role of national identity, religious identity, and intergroup contact on social distance across multiple social divides in Turkey. *International Journal of Intercultural Relations*. 2018;65:73–85. DOI: [10.1016/j.ijintrel.2018.04.007](https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2018.04.007).

29. Hackett C. Seven things to consider when measuring religious identity. *Religion*. 2014;44(3):396–413. DOI: [10.1080/0048721X.2014.903647](https://doi.org/10.1080/0048721X.2014.903647).

30. Hindriks P., Verkuyten M., Coenders M. Interminority attitudes: The roles of ethnic and national identification, contact, and multiculturalism. *Social Psychology Quarterly*. 2014;77(1):54–74. DOI: [10.1177/0190272513511469](https://doi.org/10.1177/0190272513511469).

Информация об авторе

Шорохова Валерия Альбертовна, преподаватель кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Valerya A. Shorokhova, Lecturer in the department of cross-cultural psychology and multi-cultural education, Department of Ethno psychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 21 января 2019 г.
Одобрена рецензентами: 2 мая 2019 г.
Принята к публикации: 13 мая 2019 г.

Article info

Received: January 21, 2019
Reviewed: May 2, 2019
Accepted: May 13, 2019